

УДК 94(100)«18»-029:327

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-56-67

Т.В. Гаджиев

Консул Людовика XVIII на Кавказе Ж.-Ф. Гамба как геополитик

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; gatam@list.ru

В статье раскрываются геополитические взгляды на проблемы взаимоотношений держав континентальной Европы с Великобританией и Российской империей консула Людовика XVIII на Кавказе, автора весьма интересного источника по истории Кавказа первой четверти XIX в., шевалье Ж.-Ф. Гамба. Фокусируется внимание на удивительном совпадении взглядов скромного консула на геополитические проблемы континентальной Европы с воззрениями самого выдающегося французского государственного деятеля XX в., генерала де Голля, и их полном отрицании руководителями Франции XXI в.

Ключевые слова: *Кавказ, консул, Тифлис, доминирование, континентальная Европа, Великобритания, Российская империя.*

Свое первое путешествие в южную Россию Жак-Франсуа Гамба (1763–1833) совершил в 1817–1818 гг. в качестве частного предпринимателя, и тогда же в Моздоке произошла его встреча с Главнокомандующим на Кавказе генералом А.П. Ермоловым, к которому он имел рекомендательное письмо от герцога Ришелье, председателя Совета министров и одновременно министра иностранных дел Франции. Речь в данном случае идёт о выдающемся государственном деятеле Франции и России Армане Эмманюэле дю Плесси Ришелье (1766–1822).

В годы Великой французской революции он эмигрировал сначала в Австрийскую, а затем в Российскую империю, где поступил волонтёром на военную службу и отличился при взятии Измаила. В 1803 г. император Александр I назначил к тому времени уже генерал-лейтенанта Ришелье генерал-губернатором Одессы, а в 1805 г. и всего Новороссийского края. В их изначальном развитии роль Ришелье трудно переоценить.

После Реставрации в 1814 г. Ришелье вернулся на родину и был назначен Людовиком XVIII председателем Совета министров, совмещающим эту должность с должностью министра иностранных дел. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. именно он подписал с французской стороны Парижский мир, а в 1818 г. на Ахенском конгрессе, опираясь на поддержку Александра I, добился включения Франции в число участников Священного союза. Этот союз России, Пруссии и Австрии был создан с целью поддержания установленного на Венском конгрессе европейского миропорядка, к которому впоследствии присоединились все монархии Европы, за исключением Папы Римского, Османского султана и Великобритании.

Инициатором его создания, как известно, был Александр I, стремившийся таким образом устранить саму возможность вооружённых столкновений в Европе. По сути, это была первая попытка создания международной политической организации.

При такой международной обстановке и в результате «настойчивых рекомендаций перед королем» герцога Ришелье», как свидетельствовал сам шевалье Гамба, он был назначен консулом короля в Тифлис – резиденцию Главнокомандующего на Кавказе. К месту своего назначения Ж.-Ф. Гамба выехал в октябре 1819 г. и, перезимовав в Одессе, 20 мая 1820 г. прибыл в Моздок. Его четырехлетнее пребывание на Кавказе впоследствии было описано им в насчитывающем без малого тысячу страниц, непереведённом на русский язык двухтомном сочинении «Путешествие в Южную Россию и в особенности в Закавказские провинции, совершенное с 1820 по 1824 гг. шевалье Гамба, консулом короля в Тифлисе» [1]. И в этой связи надо отметить, что, издав своё «Путешествие...» в 1826 г. в Париже, Ж.-Ф. Гамба в том же году, уже после смерти своего покровителя герцога Ришелье и короля Людовика XVIII, в качестве частного лица и предпринимателя вернулся на Кавказ, в Тифлис, где и упокоился в 1833 г.

Анализ «Путешествия...» позволяет заключить, что свои воззрения по тем или иным вопросам консул Гамба сформировал на основе собственных наблюдений, лишь изредка и по частным случаям прибегая к сведениям информаторов. При этом в предисловии он скромно отмечает: при написании работы «по истории края, который я посетил, мне необходимо было произвести изыскательные работы, на которые у меня не было времени, ... прочесть некоторые локальные обзоры геологии, минералогии и естественной истории, которые были далеки от того, чтобы удовлетворить ученого» [2, с. 5]. Однако та сумма знаний, которой он легко оперирует даже по самому незначительному поводу, говорит о его весьма солидной подготовке.

Говоря в целом о «Путешествии...» консула Гамба, следует отметить, что оно достаточно содержательно в плане исторической информации о народах Кавказа, представленной читателю прозорливым и образованным автором. В своё время оно было переведено мною на русский язык и введено в научный оборот, став предметом моего диссертационного исследования [3].

Вместе с тем Гамба предпослал «Путешествию...» весьма объёмное введение, которое может рассматриваться как самостоятельная работа, не утратившая своей актуальности и сегодня, двести лет спустя. И это несмотря на то, что сам шевалье Гамба уверял [2, с. 4–5], что положение консула «обязывало его собирать о краях, так мало известных, заметки, могущие заинтересовать с точки зрения науки и коммерции», а к публикации своего «Путешествия...» приступил лишь тогда, когда сам поверил, что его труд «может быть полезен для торговли, и в особенности мануфактуры, имеющей большую потребность выхода на простор».

Но так как пребывание консула Гамба на Кавказе совпало с Греческим восстанием 1821 г., вызвавшим очередной «Восточный кризис», серьезно обостривший отношения между великими державами, и в особенности англо-российские противоречия в Азии, то он не мог остаться в стороне. А поскольку шевалье Гамба, должно быть, неслучайно, был близок к герцогу Ришелье, то в своём видении этих событий он естественным образом поднялся до уровня геополитика и при этом обнаружил стремление побудить монархов и правительства континентальной Европы совместными усилиями и «исходя из своих основных интересов» обуздать Великобританию, или, как выразился он сам, «сокрушить эту цель, эту мощь, сегодня колоссальную». И это было вполне оправдано для прозорливого французского патриота, кем, несомненно, являлся Жак-Франсуа Гамба. А потому спор о том, Маккиндер, Хаузхоффер или кто-либо еще является отцом геополитики, беспредметен, поскольку она существует с незапамятных времен, и именно ею руководствовались все государственные деятели, удостоившиеся чести сохраниться в совокупной исторической памяти человечества. Тот же Наполеон

утверждал, что «политика государства заключается в его географии», а другой великий француз, генерал де Голль, выдвигая идею «Европы от Атлантики до Урала», также исходил из неизменных условий, диктуемых геостратегическим положением стран, так называемого Старого света.

Но, что примечательно, генерал имел предшественником своего же соотечественника, шевалье Гамба, скромного консула французского короля, и так же, как и он, начал своё непосредственное знакомство с «Вечной Россией», как называл де Голль Советский Союз, с Кавказа. Генерал, как известно, в конце 1944 г. прилетел самолетом в Баку и уже оттуда поездом отправился в Москву для встречи с И.В. Сталиным [4, с. 137–138]. Разумеется, это не означает, что геополитические взгляды генерала де Голля основаны на суждениях консула Гамба. Напротив, воззрения обоих основаны на глубоко продуманных и неизменных геополитических реалиях, в которых существует Евразия, но которые хорошо видны именно на Кавказе.

Повествуя о транскавказской стене, возведенной согласно легендарной традиции Александром Великим, которая, как считает консул, наряду с гуннами, защищавшими Дарьяльский проход, избавила «Азию от нашествия скифов и других кочевых народов, двигавшихся необъятными степями между Доном и Китаем», консул Гамба пишет: «Эта осмотрительность, предпринятая для безопасности Азии, которая с огорчением была отмечена историками (европейскими. – *Т.Г.*), без сомнения направила нашествия варваров в Европу» [5, с. 304]. И следом высказывает мысль, по сути аналогичную той, которую сто с лишним лет спустя озвучит и генерал де Голль. «Может быть, это наблюдение, перенесенное в настоящее время, даёт возможность предположить, что в интересах Европейского континента будет содействовать усилиям мощной державы (Российской империи. – *Т.Г.*), направленным в сторону Востока», – писал в своё время консул французского короля [5, с. 304]. А генерал де Голль уже на склоне лет высказывался в своих мемуарах ещё категоричнее: «Россия является европейской страной белой расы, захватившей часть Азии, страной, обладающей ... богатыми землями, рудниками, заводами и природными ресурсами, которой противостоит желтое множество, бесчисленное и нищее, неуничтожимое и честолюбивое, строящее ценой испытаний державу, мощь которой пока нельзя определить, но которая уже заглядывает на окружающие её пространства, предвидя день, когда она ринется на них» [6, с. 203].

Но так как Российская империя во времена Гамба была отнюдь не единственным серьёзным субъектом политики в Азии, французский консул стремился донести до монархов и правительств континентальной Европы свое понимание сложившейся здесь политической иерархии между державами и выработать соответствующее к ним отношение. «Я вижу, что вопрос этот столь новый и до чрезвычайности важный, что только с особой осторожностью и крайней сдержанностью я решился представить мои идеи по этому поводу», – писал Гамба [7, с. 19–20], – и, предваряя их, предупреждал об «уменьшении спорных вопросов между США и Великобританией, об их близости и возможности в будущем прочного союза между ними, чреватого для стран континента многими опасностями» [8, с. 18]. И это всего спустя сорок лет после окончания восьмилетней войны американских колоний за независимость от Великобритании, что говорит о чрезвычайной прозорливости консула Гамба и не меньшей актуальности его предостережений сегодня, особенно если на место «владычицы морей» поставить «единственную сверхдержаву». А вопрос о правомерности такой замены был разрешён самим Уинстоном Черчиллем, написавшим известный многотомный труд «История англоязычных народов» [8].

При таких обстоятельствах консул французского короля предлагает всячески поддерживать Российскую империю и одновременно призывает к тотальному противодействию Великобритании, названной им, наряду с Российской империей, «действительно грозной державой Азии». «Ни одна из трех больших империй (Французская, Австрийская, Российская. – *Т.Г.*), – пишет Гамба, – не доминирует в Европе, ни одна самостоятельно не имеет достаточно сил, чтобы справиться с общей вооруженной коалицией». По его мнению, «Франция останется в своих старых границах, но сохранит высокий уровень своей мощи, при этом не переставая уже в течение десяти лет демонстрировать свою сдержанность. Австрия полностью сосредоточена на поддержании, за счет мудрости своего правления, спокойствия многочисленных народов, подданных ее императора. Могущество России полностью навалилось на Азию и на европейскую Турцию, но она не может для Германии (на то время Германского союза, созданного по решению Венского конгресса. – *Т.Г.*), и тем более для Франции, быть объектом тревоги, какой бы она ни была» [7, с. 6–7]. При этом консул весьма метко замечает, что «заблуждение противоположного характера пришло к нам из-за моря» [7, с. 7], и пишет далее: «Эта держава (Великобритания. – *Т.Г.*) недавно твердила Европе о завоевательнице-Франции, тотчас же принялась пугать её Россией, сама же возвысилась разом, быстро и незаметно» [7, с. 9].

Стремясь высветить всё лицемерие или, говоря современным языком, «двойной стандарт» в политике Великобритании, Ж.-Ф. Гамба пишет: «Так она занималась работоторговлей, когда это было выгодно, и не предавала её анафеме до тех пор, пока не наладила в Индии производство колониальных продовольственных товаров и торговля рабами ей стала больше не нужна. Она была нетерпима к свободе мореплавания и торговли, пока сама занималась созданием собственного флота и мануфактурной промышленности, сегодня она готова объявить о свободе мореплавания, потому что она – владычица морей и может не бояться никакой державы. Наконец, она готова открыть свои порты для мануфактурной промышленности других народов, потому что её фабрики не боятся ничьей конкуренции и потому что её общественное сознание отторгает все иностранное» [7, с. 9]. И можно только удивляться тому, как скромный консул поднялся в понимании британской политики до уровня великого Гёте, который, со слов его секретаря И.-П. Эккермана, говорил: «Немцы бьются над разрешением философских проблем, а тем временем англичане, с их практической смёткой, смеются над нами и завоевывают мир. Всем известны их широковещательные выступления против работоторговли. Но покуда они морочат нам голову, ссылаясь на высокогуманные принципы, выясняется истинный мотив их поведения – реальная выгода, без учёта которой, как нам давно следовало бы знать, они ничего не предпринимают. Дело в том, что в своих огромных владениях на западном берегу Африки они сами используют труд негров и, конечно, не хотят, чтобы тех оттуда вывозили. В Америке англичане сами основали крупные колонии негров, где очень велик прирост чернокожего населения. Этими неграми они полностью удовлетворяют потребности Северной Америки и ведут весьма прибыльную торговлю живым товаром. Следовательно, опасаясь, как бы ввоз негров со стороны не ущемил их меркантильных интересов, они не без умысла кричат об антигуманности работоторговли» [9, с. 333].

«Если равновесие в Европе и нарушено, – считает консул Гамба, – так это потому, что Великобритания, оказавшись вне пристального внимания континентальных стран, узурпировав превосходство на море и обеспечив своё монопольное положение в торговле, собрала на своем острове большую часть богатств мира» [7, с. 7]. И в подтверждение своих слов приводит, в одном случае на девяти, а в другом на семи страни-

цах [7, с. 9–18; с. 35–42] перечень-описание колоссального прироста финансового и территориального могущества Великобритании. При этом он отдает должное и британскому дворянству, примеру которого призывает последовать своих соотечественников, и, объясняя успех страны деятельностью её правительства и лично премьер-министра Питта, призывает своего короля прибегнуть к протекционизму» [7, с. 34].

Но, будучи реалистом, Ж.-Ф. Гамба прекрасно понимает, что этого будет явно недостаточно, поскольку Франция, как и вся остальная Европа, уже оказалась в положении «догоняющего», в силу чего необходимо предпринять экстраординарные меры. «Чтобы сразить эту цель, эту мощь, сегодня колоссальную, усиленную расчётливостью и благоразумием своей политики и управления, как и расчётливостью в финансах, согласно обстоятельствам, и исходя из своих коренных интересов, я бы сказал просто необходимо сохранить такой порядок», – пишет консул, – [7, с. 7]. Под сохранением порядка он, несомненно, понимает систему «Священного Союза», созданную, по его мнению, «чтобы поддержать мир в мире», для чего были предприняты «решительные усилия и даже принесены жертвы наиболее мощными империями» [7, с. 6]. Европы.

Но поскольку эта система все-таки не смогла предотвратить нарушение баланса сил в Европе, её следует рассматривать лишь как предварительное условие, уверен консул Гамба. «Здесь напрашивается вопрос, – пишет он, – имеет ли Европа в своих руках средство изменить сложившееся положение вещей, восстановить равновесие, совершенно нарушенное, заставить Великобританию не злоупотреблять своими морскими силами и положить конец продолжающимся захватам, которые кончатся тем, что не оставят крупным державам континента иной внешней торговли, кроме той, которую английское правительство сочтёт допустимой» [7, с. 19]. При этом Ж.-Ф. Гамба особо подчеркивает, что, создавая контрбаланс сил, необходимо рассматривать проблему в целом, а именно: «финансы, кредиты, торговлю, мореплавание, демографию, колонии, сухопутные и морские вооруженные силы» [7, с. 21]. Сам же он видит для этого два средства, которыми и призывает безотлагательно воспользоваться.

Прежде всего, по мнению консула Гамба, надо перейти от политики вооруженного нейтралитета к политике «нейтралитета мирного», который завяжется между большими державами континентальной Европы благодаря интересам разносторонней торговли» [7, с. 21–22]. «Европа обязана единству континентальных держав миром, в состоянии которого она пребывает уже десять лет, но это единение, имеющее целью стабилизацию тронов и спокойствие государств, не станет по-настоящему прочным до тех пор, пока монархи, собравшись вместе, не зафиксируют свое внимание на глобальных интересах торговли, единодушно не примут подходящие измерения доходов и обмена, как источника взаимной привязанности и общих интересов», – утверждает он [7, с. 22–23].

Второе из предложенных им средств состоит в «переносе большей части торговли между Европой и Азией на Чёрное море, и тогда, если морская война и возникнет, то её результатом явится установление между этими древними частями света таких торговых отношений, какими они были до открытия Америки и морского пути вокруг мыса Доброй Надежды» [7, с. 22]. И далее, на многочисленных примерах из Античности и Средневековья консул Гамба доказывает, что торговля и накопление богатств являются неперенным условием могущества государства, и на десяти страницах, по сути, излагает план создания континентального общего рынка [7, с. 22–33]. После этого он вновь возвращается к предложенному им средству и, развивая его, пишет: «Второе условие, которое разумно единодушно принять, если хотят ограничить монополию и чрезмерное могущество Великобритании и поставить Европу вне зависимости от неё, заключается

... в создании единого мира из Европы и Азии и объединении его посредством Чёрного моря... Тогда, в случае морской войны, транспортное сообщение между Азией и Европой пройдет сухопутным путем и через речные коммуникации. Товары не будут проходить через Дарданеллы» [7, с. 43–44].

Описание возможных речных коммуникаций, скрупулёзно изложенное консулом французского короля на трех страницах [7, с. 44–46], не оставляет сомнения в его искренней убеждённости в том, что Российская империя, «какой бы она ни была» не может быть объектом тревоги и что всемерное содействие её продвижению на Восток – «в интересах Европейского континента».

Но шевалье Гамба, как продукт европейской культуры домарксистской эпохи, далёк от мысли обосновывать и решать политические, и в частности геополитические задачи, сугубо экономическими методами. И поэтому он использует прежде всего историческую и культурно-идеологическую аргументацию. Тезис о том, что «Западная Европа имеет живейшую потребность в колониях» [7, с. 1], является для шевалье Гамба одним из базовых, в защиту которого он выдвигает ряд аргументов и в первую очередь обосновывает его исторической традицией, указывая на то, что «побережья Средиземного и Чёрного морей были покрыты колониями: египетскими, греческими, тиренскими, карфагенскими и т. д.» [7, с. 1].

Ещё одним аргументом служит демографическая ситуация в Западной Европе, из которой, по мнению консула [7, с. 2–3], прежде всегда находился выход благодаря: «крестовым походам, которые поглотили избыток населения, чья тяжесть давила на Западную Европу», «открытие Америки и пути в Индию через мыс Доброй Надежды, что открыло перед мореходными нациями огромный простор», «религиозным войнам, вплоть до Вестфальского трактата, и тем, которыми отмечено царствование Людовика XIV», и, наконец, «эпоха длительных и кровопролитных споров, революций и войн, которые её сопровождали».

Но это, по мнению Гамба, не даёт оснований для успокоения: «В течение двенадцати лет все изменилось во Франции и в Западной Европе, различные причины колоссально увеличили население, избыток которого сделался тревожным, если на длительное время пренебречь поиском средств для его существования» [7, с. 3]. И в числе основных причин, приведших к столь резкому приросту населения, он называет: развитие в сфере вооружения и военного искусства, улучшение структуры питания и экономического состояния в неимущих классах [7, с. 3–4]. При этом Ж.-Ф. Гамба указывает и на чисто психологическую, иначе говоря, культурную потребность западноевропейцев в иммиграции, что, как следствие, обуславливает потребность западноевропейских стран в колониях. «Это необходимо, – пишет он, – тем, для кого иное небо стало потребностью; тем, для кого родина стала бесплодной; людям, которые отчаялись обрести успех там, где испытали разочарование; для этих многочисленных политически больных, для этих негибких характеров, которых никакие доводы не возвращают обратно, никакие препятствия не разочаровывают; для тех, кто всегда чувствует себя ущемлённым на родине; для спекулянтов жадных; для спекулянтов авантюрных; для тех, которые горят желанием связать свои имена с открытиями и основаниями городов и цивилизаций; для тех, кому конституционная Франция ещё слишком беспокойна; для тех, кому она слишком спокойна; для тех, кто не может переносить равенства; для тех, кто не может переносить никакой зависимости» [7, с. 4–5]. И этот пассаж характеризует не только культурно-политическую ситуацию, царившую в Западной Европе после Наполеона, но и интеллектуальный уровень самого автора, предвосхитившего в своём описании так

называемую «Фаустовскую культуру» или «Фаустовскую душу» О. Шпенглера [10, с. 345–388].

Обосновав, таким образом, насущную потребность западноевропейцев в колониях, консул призывает искать их не где-нибудь, а именно в Азии и с этой целью риторически вопрошает: «...Не желательно ли искать для колоний всех стран обоснования в Азии, чем в Африке, где жгучий климат так не подходит европейцам, или чем в Америке, столь бедной памятью, что для организации земледелия необходимо перевозить туда целые племена, и которая, к тому же, в случае морской войны лишена коммуникаций с Европой» [7, с. 51–52].

При этом он очень определённо очерчивает ту часть Азию, о которой говорит: «Это древняя часть света, колыбель человечества, средоточие первых известных империй, это обширная часть глобуса, которая имеет границы по Средиземному морю, включает в себя южную и восточную часть Черного моря вплоть до устья Кубани, Кавказ, Каспийское море; её границы простираются от пустынь, находящихся к северу от Бухары до истока Инда и далее по его правому берегу до устья в Индийском океане; берегов этого океана и Персидского залива, пустыни вплоть до Суэцкого перешейка и, наконец, с этой точки включает всё восточное Средиземноморье до Дарданелл» [7, с. 49]. И в этом контексте важно уяснить, какой смысл вкладывает французский консул в понятие *колонии* континентальных европейских стран в этой части Азии, что он их именует «обоснованиями» или «учреждениями», как-то: «обоснования в Азии», «учреждения будут способствовать».

Ж.-Ф. Гамба не считает возможным и целесообразным приобретать их посредством военных захватов. «Если обоснования в Азии, – пишет он, – вызванные положением, в котором находится европейский континент, могут быть результатом переговоров, конвенций, договоров и не стоить человечеству слёз, то они связаны с интересами народов Азии и даже с интересами их правителей» [7, с. 52]. «Эти обоснования, – продолжает консул, – будут способствовать тому, что в безводных пустынях возникнут поселения, богатые обильными урожаями, торговые предприятия вызовут у народов Азии новые потребности, откроют перед европейской промышленностью почти неограниченный простор и объединят навсегда народы Европы и Азии (западной. – Т.Г.) мощными узами дружбы и интересов торговли. Таковыми будут результаты, которые можно получить от этих «обоснований», они достойны внимания властелинов Европы и заслуживают их участия, потому что в этом обширном краю все проекты могут быть гарантированно реализованы, все затраты возмещены, а тяжкие воспоминания сотрутся и злобные страсти угаснут» [7, с. 53–54].

Разумеется, этот пассаж можно воспринять как благостную декларацию, призванную завуалировать подлинные цели и намерения, но надо помнить, что шевалье Гамба обращался к «властелинам Европы», а не к генеральной ассамблее ООН и прочим современным международным организациям. Более того, важно учесть, что в том случае, если он в действительности стремился вовлечь «властелинов» Европы в военные авантюры в этой части земли, то ему, исходя из простой логики и столь же простого прагматизма, следовало бы прельщать их не только богатствами региона, но и необременительностью их приобретения как в военном, так и в экономическом плане.

Между тем Ж.-Ф. Гамба расставляет совсем иные акценты, специально подчеркивая, что он ведёт речь о той части Азии, «где находились Бактрия и столица гигантского государства Тамерлана, откуда вышли почти все завоеватели Индии», где находилось «древнее царство Персии, которое после исчезновения империи Мидийцев и Парфян и стольких знаменитых династий видит свою постепенно уменьшающуюся

мощь», но которая, тем не менее, известна в истории «столькими великими царями» [7, с. 50–51]. Понятно, что подобные экскурсы в историю отнюдь не способствуют возникновению желания кинуться в военную авантюру, но укрепляют уверенность в том, что в этой части Азии всегда найдутся те, с кем можно и нужно иметь дело. И для примера Гамба приводит письмо, полученное им от некоего Мирзы-Масуда, личного друга и министра Аббас-Мирзы – правящего наследника Иранского престола. Отвечая на рекомендательное письмо, данное консулом некоему молодому французу, направлявшемуся в Персию, Мирза-Масуд, пользуясь случаем, напоминает об огромных выгодах, которые может принести активная торговля между великими нациями [7, с. 52].

Но с ещё большим воодушевлением консул французского короля шевалье Гамба говорит о Кавказе и кавказцах, к которым питает совершенно очевидную симпатию. Так, коснувшись антропологического типа кавказцев, он не упускает случая заметить: «Может быть, правильные черты этих народов и являются живым доказательством их высокого происхождения и подтверждают это надежней, чем записи и памятники, которые у нас отсутствуют» [5, с. 113–114]. Представляя европейскому читателю ингушей, Ж.-Ф. Гамба с восхищением отмечает, что они «худые, крепкие, живучие и неутомимые, с независимым характером и храбростью, доходящей порой до героизма» [11, с. 32–33].

Описывая типичную для всего Дагестана общественную структуру Джаро-Белоканского союза, он подчёркивает, что только один этот союз мог поставить под ружье более семи тысяч человек, и при этом замечает, что с учетом их воинственности «альянс с ними был всегда желателен для соседей» [11, с. 96; 105]. Но при этом он оценивает дагестанцев не только с позиции их широко известной боеспособности, а характеризует как народ «активный, индустриальный, воздержанный, трудолюбивый, богатый», подкрепляя свои слова и мнением «господина майора Депплозо, который был пленен в этих горах и часто с восхищением рассказывал об этих людях, умных, спокойных и трудолюбивых» [11, с. 370].

Путешествуя по Восточному Кавказу, Ж.-Ф. Гамба не упускает случая напомнить европейскому читателю о великом прошлом этой земли: «В пяти верстах от Елизаветполя, бывшей Гянжи, мы встречали множество руин, остатков древних городов, чьё строительство приписывается Александру Великому. Но кто бы ни был их основателем, вне сомнения, раз эти города и эти памятники существовали, население этого края должно было быть значительным и заниматься земледелием, ремеслом и торговлей, чтобы иметь средства к существованию. Среди этих руин время от времени находят медали: мидийские, парфянские, персидские, греческие и римские» [11, с. 259].

Наконец, консул Гамба, вопреки физической географии, убеждён, что Тифлис «может рассматриваться как центральная точка между Европой и Азией» [11, с. 175]. А в подтверждение этому приводит эмоционально окрашенную, но вполне обоснованную культурно-историческую аргументацию: «Не допуская существования Картлоса, который жил шесть поколений спустя после Ноя, достаточно знать, что первым грузинским царем являлся Фарнаваз, живший чуть позже Александра Македонского, чтобы понять, что это царство – одно из древнейших на земле» [11, с. 138]. И продолжает: «Всякий раз, погружаясь в сумрак, покрывающий анналы Грузии, невозможно противиться восхищению этим народом, населяющим маленькую территорию, открытую для могущественных народов, опустошаемую всеми завоевателями Азии, но не терявшим никогда, кроме как единовременно, своей независимости, более двух тысяч лет сохранявшим царство, и остававшимся на протяжении четырнадцати веков христианским в окружении стран, исповедующих ислам» [11, с. 139].

Напротив, отношение Ж.-Ф. Гамба к Османскому государству и вопросу сохранения его как империи не имеет эмоциональной составляющей, оно продиктовано, по его признанию, заинтересованностью в «обеспечении в мире на долгие времена мира и перспектив торговли» [7, с. 48]. «Свободное мореплавание через проливы может стать в то же время залогом длительного мира и основанием для искреннего сближения держав континента» [7, с. 47], – пишет консул и ради решения этой геополитической задачи он многое готов простить Османской империи. При этом необходимо иметь в виду, что эту мысль консул Гамба высказывает на пике Греческого восстания 1822 г., предвидя, что поддерживаемая Британией Греция, если и обретёт независимость, то отнюдь не от Великобритании. Напротив, произойдёт дальнейшее укрепление позиций последней в Восточном средиземноморье и, как следствие в вопросе свободного мореплавание через проливы. Во многом так и произошло после того, как 3 февраля 1830 г. великими державами был принят Лондонский протокол, официально признавший независимость греческого государства – Королевства Греции.

Именно поэтому Ж.-Ф. Гамба, проводящий чёткую грань между геополитическими интересами континентальной Европы и Великобритании, с робкой надеждой пишет: «Такие большие, такие широкие мероприятия связаны с географическим положением Оттоманской империи, – и вынужден продолжить в сослагательном наклонении, – если это государство сумеет сохраниться...» [7, с. 46].

Как истинный француз и при этом геополитик, шевалье Гамба так одержим идеей всемерного противодействия Британии, что готов просить Российскую империю добровольно ограничить свои устремления на Балканах и по отношению к Константинополю, чтобы не дать шанс Великобритании извлечь из этого хоть какую-то выгоду. «Если расчеты и усилия человеческого благоразумия, – пишет он, – не смогут ничего поделать с причинами, вызывающими распад империи (Османской. – Т.Г.), который стремительно развивается и в Азии, все же будет желательно в интересах гуманности и политики ... смириться, чтобы не быть погребёнными под руинами этой империи» [7, с. 47–48].

И совсем по-другому смотрит Ж.-Ф. Гамба на военно-политическое продвижение Российской империи в направлении Кавказа и Центральной Азии. В этом случае он считает, что, поскольку «гигантская империя Тамерлана распалась на мелкие ханства, имеющие ненадежное существование под покровительством сдержанности и великодушия императора России», Кавказ «увидел сияние зари, став государством безопасности и благополучия, к которому не был привычен», а «Западная Азия целиком, от Индии до Средиземноморья ... просит у неё спокойного существования и искры цивилизации», континентальным странам Западной Европы следует всемерно содействовать укреплению позиций Российской империи во всём этом обширном регионе [7, с. 48–49, 51; 5, с. 311]. Такая позиция консула Гамба полностью отвечает его геополитическим воззрениям, легко объяснима и потому, несомненно, искренняя. Уже давно кануло в прошлое время, когда Франция и Британия, попеременно захватывая друг у друга лидерство, могли проводить в этом регионе Передней Азии активную антироссийскую политику, имея в качестве плацдарма Иран, медленно, но верно деградирующий в политическом плане. После наполеоновских войн, обескровивших Францию и подорвавших её могущество, Британия осталась в одиночестве [12; 14], и только Российская империя могла составить ей серьёзную конкуренцию в этой части Азии. Сыграв на ущемлённом после заключённого в 1813 г. Гюлистанского договора самолюбии Фатх-Алишаха, Великобритания уже в 1814 г. заключила с ним договор на случай «войны с какой-либо европейской державой» и, пообещав значительную денежную субсидию и во-

енную помощь, зародила надежду на реванш. После этого принялась умело направлять общественное мнение Ирана и остального мира против Российской империи.

Одновременно в присущем британской дипломатии духе не упускались и сугубо экономические интересы, настоятельно требовавшие расширения рынков сбыта. Как сообщал генеральный консул Российской империи в Тегеране, «нет сомнения, что персидский двор по внушениям англичан притесняет российских купцов, а английская миссия старается возобновить несогласие между Россией и Персией в уповании принудить персиян покупать их товары и тем уничтожить нашу торговлю» [13, с. 573].

Не случайно в это время всевозможные английские миссии буквально наводняют Иран. При этом английские офицеры, коммерсанты, миссионеры, путешественники и прочие изыскивают любую возможность, чтобы проехать через Кавказ, направляясь на Восток или обратно. Правительство в Петербурге было хорошо осведомлено о деятельности «путешественников», в связи с чем уведомляло Главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова «о необходимости иметь наблюдение за всеми англичанами, проезжающими из Персии или в Персию» [14, с. 193].

Не остались они незамеченными и для консула Гамба, который отмечал, что через Тифлис в последнее время проезжает очень много англичан, направляющихся обыкновенно этим путем из Индии в Европу. С некоторыми из них ему даже удалось свести знакомство, о чем он не преминул сообщить. Так, Ж.-Ф. Гамба упоминает об английских офицерах, едущих из Ирана, где они находились в качестве военных специалистов у наследника престола Аббаса-Мирзы. Один из них, майор Линдсней, даже показал ему зарисованные им пейзажи и эскизы костюмов различных народов Кавказа, а другой, некто П. Генри, обнаружил очень неплохое знание армянского, осетинского, кабардинского и ряда других языков народов Кавказа [11, с. 4–8].

В таких геополитических условиях, уже после смерти своего покровителя герцога Ришелье и самого короля Людовика XVIII, его консул отваживается поставить перед монархами континентальной Европы риторический вопрос, который больше походит на призыв: «Европа, останется ли она навсегда безучастна к нынешней участи и будущей участи этой прекрасной части Азии или эта прославленная земля осуждена бесконечно быть театром кровавых опустошений и всяческих преступлений?» [7, с. 51]. Несомненно, такого рода призыв порождает закономерный вопрос относительно методов и пределов участия континентальных европейских держав в решении обозначенной им проблемы и, к чести шевалье Гамба, он не уходит от этого вопроса, а отвечает более чем определенно. Во-первых, властителям Европы следует всемерно поддерживать укрепление позиций Российской империи в «этой прекрасной части Азии», что неизбежно ограничит своекорыстную и направленную против континентальных держав британскую экспансию и в будущем послужит надёжной защитой от опасности, исходящей от непредсказуемого Дальнего Востока с его бесчисленным населением, потенциальными возможностями и амбициями. А, во-вторых, следует приложить все усилия, чтобы под покровительством Российской империи, в её лоне учредить различные «колонии», которые он называет «обоснованиями», которые, говоря современным языком, должны быть названы концессиями, что даст мощный культурно-технологический толчок развитию «этой прекрасной части Азии» и объединит экономическими интересами в один мир континентальную Европу и Российскую империю.

Литература

1. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis.* – Paris, 1826.
2. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 1. Préface.* – Paris, 1826.
3. Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа: дис. ... к. ист. н. – Тбилиси: ИИАЭ им. И. Джавахишвили, 1984.
4. Антюхина-Московченко В.И. Шарль де Голль и Советский Союз. – М., 1990.
5. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 1.* – Paris, 1826.
6. Шарль де Голль. Мемуары надежды (1958–1962). – М., 2000.
7. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 1. Introduction.* – Paris, 1826.
8. Черчилль У.-С. История англоязычных народов: в 4 кн. – Екатеринбург, 2012.
9. Эккерман И.-П. Разговоры с Гете. – М., 1981.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – М., 1993.
11. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 2.* – Paris, 1826.
12. Ионисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX в. – Ереван, 1958.
13. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI, ч. 2. – Тифлис, 1893.
14. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960.

References

1. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis.* – Paris, 1826.
2. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 1. Préface.* – Paris, 1826.
3. Gadzhiev T.V. Composition of Gamba "Travel to South Russia..." as historical source for history of peoples of North-East Caucasus. – D. thesis for Candidate of Historical Sciences. – Tbilisi: IIAE named after I. Javakhishvili. I. Javakhishvili, 1984.
4. Charles de Gaulle and the Soviet Union. – M., 1990.
5. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 1.* – Paris, 1826.
6. Charles de Gaulle. Memoirs of Hope (1958–1962). – M., 2000.
7. *Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provinces-situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 1. Introduction.* – Paris, 1826.

8. Churchill W.-C. History of the English-speaking Peoples: in 4 books. – Ekaterinburg, 2012.
9. Eckermann I.-P. Conversations with Goethe. – M., 1981.
10. Spengler O. The Sunset of Europe. T. 1. – M., 1993.
11. Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulièrement dans les provincies Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Vol. 2. – Paris, 1826.
12. Ionisyan A.R. The Accession of Transcaucasia to Russia and International Relations in the Early 19th Century. – Erevan, 1958.
13. Acts collected by Caucasian Archeographic Commission. Vol. VI, part 2. – Ekaterinburg, 2012.
14. Fadeev A.V. Russia and the Caucasus in the first third of XIX c. – Moscow, 1960.

Поступила в редакцию 24 августа 2022 г.

UDC 94(100)«18»-029:327

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-56–67

Louis XVIII's Consul in the Caucasus J.-F. Gamba as a Geopolitician

T.V. Gadjiev

Dagestan State University; Russia, 367001, Machachkala, Gadjiev st., 43a; gadjiev@list.ru

The article presents geopolitical views on the problems of relations between the powers of continental Europe with Great Britain and the Russian Empire of Louis XVIII's Consul in the Caucasus, the author of a very interesting source on the history of the Caucasus in the first quarter of the 19th century Chevalier J.-F. Gamba. The article focuses the attention on the remarkable coincidence of the modest consul's views on the geopolitical problems of continental Europe with the views of the most prominent French political leader of the 20th century, General de Gaulle, and their complete denial by the leaders of France of the 21st century.

Keywords: *Caucasus, Consul, Tiflis, domination, continental Europe, Great Britain, Russian Empire.*

Received 24 August 2022